

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ АРМИИ В 1917—1918 гг.

Е. Н. ГОРОДЕЦКИЙ

История старой армии после победы Октября остается нетронутой страницей революционного прошлого. Историки уделяют должное внимание армии при изучении подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. К вопросу об армии обращаются¹ в связи с созданием новых вооруженных сил Советского государства. Процессы же, происходившие в армии между октябрём 1917 г. и февралём 1918 г., остаются вне поля зрения исследователей.

Специальных работ по истории демобилизации армии в советской исторической литературе нет. В трудах по истории первой мировой войны таких известных исследователей, как А. Маниковский и А. Зайончковский, о демобилизации армии даже не упоминается¹. В работах по истории борьбы солдатских масс Западного и Северного фронтов за власть Советов эти вопросы ставятся в очень общей форме². Краткое упоминание о «Плановой постепенной демобилизации армии в 1918 г.» имеется в статье И. М. Волкова³. Несколько более подробно говорит о демобилизации армии Н. И. Шатагин. Он правильно отмечает, что стихийная демобилизация началась еще до октября 1917 г. Однако вывод о том, что первые декреты Советской власти и меры по демократизации армии «положили конец стихийной демобилизации»⁴ в работе Н. И. Шатагина не получил обоснования. Рассматривая ход демобилизации армии, автор допускает существенные фактические неточности. Так, он утверждает, что на протяжении января — февраля 1918 г. было уволено из армии восемь возрастов⁵, тогда как в действительности за это время было уволено одиннадцать возрастов⁶.

В статье С. Г. Усова на основании большого документального материала освещается ход эвакуации боеприпасов, оружия и военного имущества старой армии. Но в противоположность Н. Шатагину, С. Усов утверждает, что единого плана демобилизации не было и она проходила стихийно. Указав на создание специальных органов по демобилизации армии, автор пишет: «Однако в ходе демобилизации армии и эвакуации боеприпасов трудно говорить о централизованном руководстве, имевшем оперативное

¹ А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в мировую войну, тт. I—II, М.—Л., 1930; А. Зайончковский. Мировая война 1914—1918 гг., тт. I—II, М., 1938.

² См. Л. Гапоненко. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917), М., 1953, стр. 187—188; М. И. Капустин. Солдаты Северного фронта в борьбе за власть Советов, М., 1957, стр. 316—317.

³ И. М. Волков. Строительство Красной Армии в 1918 г. «Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.», М., 1956, стр. 278.

⁴ Н. Шатагин. Организация и строительство Советской Армии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.), М., 1954, стр. 25—26.

⁵ Там же. В тексте работы Н. Шатагина явная опечатка — вместо 1899 г. сказано 1889.

⁶ ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 92. Приказы Наркомвоена № 8, 15, 42, 115 и 136 о демобилизации призывов 1902—1912 гг.

влияние. Отсутствие единого плана демобилизации неизбежно приводило к стихийности всей работы в армейских соединениях»⁷.

Таким образом, вопрос о демобилизации старой армии не получил должного освещения в советской исторической литературе. Между тем речь идет о миллионах вооруженных рабочих и крестьян, чья революционная воля и энергия оказывали огромное влияние на ход событий. Послеоктябрьская история старой армии есть часть истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Это есть история борьбы передовых, революционных элементов против мелкобуржуазной стихии в армии, борьбы Советского государства и большевиков за демократизацию армии, за организованную демобилизацию, за выделение элементов, способных создать новую армию.

В старой армии после Октября числилось около 12 млн. солдат. Организованно отправить эту массу по домам было крайне трудно, сделать это в короткий срок — просто невозможно. Между тем в литературе широко распространено суждение, что демобилизация этой огромной армии произошла «по приказам», гладко и без помех. При этом без оговорок подразумевается, что огромная русская армия под ударами перешедших 18 февраля 1918 г. в наступление германских войск просто развалилась и перестала существовать. Произошло этакое историческое «чудо» — многомиллионная армия как бы растаяла, исчезла неизвестно куда.

В исторической литературе до сих пор еще не изучены вопросы о демобилизации как особой форме слома старой армии, о связи демобилизации и процесса создания новой армии, об использовании некоторых звеньев старого военного аппарата.

Не имея возможности в данной статье осветить все вопросы, связанные с ломкой старой армии и созданием вооруженных сил Советской республики, автор ставит своей задачей исследовать процесс демобилизации старой армии как одно из условий создания Красной Армии.

* * *

Демобилизация старой армии должна была оказать и в действительности оказала огромное влияние на ход революционных событий. Миллионы солдат, направляемые в тыл, включались в самую активную политическую борьбу. Что же представляла собой эта огромная масса солдат, подлежащих демобилизации?

Статистический отдел при Комиссариате по демобилизации в середине февраля 1918 г. закончил подсчет анкетных данных о составе демобилизованных V армии. Из 126 204 солдат этой армии 86%, т. е. преобладающее большинство, были крестьяне, которые должны были вернуться в деревню. Там, в деревне, революционно настроенные солдаты сыграли решающую роль в борьбе за установление и укрепление Советской власти.

Отдельных сведений о числе рабочих нет, так как статистический отдел Комиссариата объединял их с другими категориями солдат, отправлявшихся в город. Таких солдат было 11,6% общего числа демобилизуемых. В прифронтовой полосе оставалось 2,4% солдат. Эти данные подтверждаются также материалами по другим соединениям⁸.

Из данных о возрастном составе видно, что основной контингент демобилизуемых состоял из наиболее активной и жизнеспособной части населения. В самом деле, призывы 1902—1913 гг., т. е. 12 старших возрастов, среди подлежащих демобилизации составляли 48,63%, а призывы

---

⁷ С. Г. Усов. Эвакуация боеприпасов, материалов и объектов военной промышленности из угрожаемых районов в начале гражданской войны. «Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина», т. 76, вып. 3, М., 1957, стр. 45.

⁸ ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 127, л. 13; д. 129, лл. 13, 26.

1914—1919 гг. — 51,37%⁹. Таким образом, число молодых солдат шести последних годов призыва превышало число солдат двенадцати старших призывных годов. Это вместе с тем говорит и о тех огромных потерях, которые выпали на долю солдат старших возрастов.

Стихийная демобилизация армии началась еще до Февральской революции. Дезертирство принимало все более широкие размеры. М. Д. Бонч-Бруевич, хорошо знавший состояние старой армии, пишет в своих воспоминаниях: «Армия действительно не хотела воевать. Все больше и больше солдат уходило с фронта. По засекреченным данным Ставки, количество дезертиров, несмотря на принимаемые против них драконовские меры, составило к Февральской революции сотни тысяч человек». Один только Северный фронт насчитывал накануне свержения самодержавия 50 тыс. дезертиров, за первые же два месяца после Февральской революции из частей Северного фронта самовольно выбыло еще 25 тыс. солдат¹⁰. Таким образом, разложение армии, о котором так горевала буржуазная пресса, началось задолго до Октябрьской революции и даже до Февральского переворота.

Армия не хотела воевать, более того — она превращалась в огромную революционную силу. Вот почему необходимость демобилизации была признана и царскими генералами. Планы демобилизации, которые разрабатывались в Военном министерстве и генеральном штабе, являлись частью общих планов контрреволюции. Демобилизация армии, в зависимости от того, кто и как ее проводил, могла способствовать и торжеству революции и успеху контрреволюции. В мае 1917 г. при Военном министерстве была создана под председательством генерала Маркова «Комиссия по приведению армии в состав мирного времени»¹¹. Комиссии по подготовке демобилизации были организованы также на Западном, Юго-Западном и Румынском фронтах. Генерал Духонин создал при Ставке специальное Совещание по демобилизации. Вся деятельность этих бюрократических учреждений была подчинена задачам борьбы с революционным движением. Меньше всего они занимались подготовкой демобилизации солдат.

Первым делом комиссии Маркова была разработка мер «к предупреждению большого наплыва увольняемых солдат в столицу и другие крупные населенные центры»¹². Страх перед солдатом-фронтовиком, который приносил с собой в тыл революционную ненависть к империалистической войне, заставил комиссию Маркова вместо демобилизации заняться разработкой мер по изоляции частей фронта от тыла. Следует отметить, что на первом же своем заседании 25 мая 1917 г. комиссия решила готовить демобилизацию солдат всех призывов ранее 1919 г.¹³ Таким образом, задолго до Октябрьской революции было признано невозможным удержать солдат в армии. По замыслу комиссии, демобилизации подлежали только солдаты. Контрреволюционно настроенного офицерства демобилизация почти не затрагивала.

В сентябре 1917 г. начальник штаба Ставки генерал Духонин подписал «Программу мероприятий по поднятию боеспособности армии к весне 1918 г.»¹⁴. В этой записке демобилизация рассматривалась как средство превращения армии в боевую силу контрреволюции. Увольняемых из армии офицеров предусматривалось использовать в милиции «для установления порядка внутри страны»¹⁵. «Программа» Духонина под прикрытием под-

⁹ ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 127, л. 13. Эти данные могут быть распространены на всю армию. По данным Военного министерства на 1 апреля 1917 г., солдаты до 27 лет составляли более 50% всей армии (ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 78). Нужно иметь в виду также, что солдаты призывов 1918—1919 гг. были взяты в армию досрочно.

¹⁰ М. Д. Бонч-Бруевич. Вся власть Советам. Воспоминания, М., 1957, стр. 130.

¹¹ ЦГВИА, ф. 366с, оп. 1, д. 409, лл. 2—3.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 22.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 533, лл. 26—27.

¹⁵ Там же.

готовки демобилизации ставила своей целью формирование специальных контрреволюционных частей: георгиевских ударных батальонов, штурмовых взводов, учебных команд, «войсковых соединений более крупного состава из прочных частей и особенно крупных казачьих единиц по войскам»¹⁶.

Однако контрреволюция не смогла реализовать свои планы, она оказалась не в состоянии проводить планомерную демобилизацию. Только победа революции могла внести в солдатские массы организованность, необходимую для проведения демобилизации. 11 октября 1917 г. заместитель Духонина генерал Дитерихс телеграфировал в Петроград о провале попыток организованно провести демобилизацию солдат призывов 1897—1898 гг. «На этой почве, — писал Дитерихс, — на местах создалось много эксцессов, беспорядков, своеволия и буйств. О планомерности не может быть и речи»¹⁷. В одной из последних октябрьских сводок военно-политического отдела Ставки отмечалось: «Меры, принятые к сокращению численного состава армии и облегчения этим ее довольствия и снабжения, пока, по донесениям штабов, желательного результата не дали, ухудшив, наоборот, положение, вызвав зависть и озлобление в остающихся...»¹⁸.

Создалось парадоксальное положение: солдаты страстно стремились кончить войну и вернуться по домам; они требовали проведения демобилизации. В свою очередь, контрреволюционное командование видело в частичной демобилизации средство избавления от революционных элементов в армии, однако было не в состоянии провести демобилизацию без применения насилия над солдатами. 11 октября 1917 г. представитель фронтового комитета Западного фронта заявил на совещании по демобилизации при Ставке: «...Установить порядок при демобилизации возможно будет только при условии применения силы, так как с отпускаемой массой никакие уговоры и увещания ничего не поделают. Фронт должен быть оцеплен железным кольцом»¹⁹.

Здесь, как и во всех других областях общественной жизни, выяснилась полная неспособность Временного правительства решить вопросы, волновавшие миллионы людей, вопросы существования народных масс.

После победы социалистической революции вопрос о демобилизации армии был поставлен на практическую почву. Это был один из острейших вопросов народной жизни, и он мог быть решен только как часть общего вопроса о сломе старого государственного аппарата и создания нового. Однако вопрос об отношении Коммунистической партии к этой части старого аппарата имел особое значение, так как здесь речь шла о миллионах солдат — рабочих и крестьян, стянутых обручем старой государственности в единую военную организацию, прошедших после Февральской и особенно после Октябрьской социалистической революции через полосу демократизации.

Ленин указал на историческую обусловленность и социальные корни такого явления, как демобилизация армии до окончания войны. «Кто захочет *подумать* о классовых причинах такого оригинального явления, — писал Ленин, — как демобилизация армии Советской социалистической республикой, не окончившей войны с соседним империалистским государством, тот без чрезмерного труда найдет эти причины в социальном строе мелкокрестьянской отсталой страны, доведенной после трех лет войны до крайней разрухи»²⁰. Эту же объективную необходимость как можно скорее демобилизовать старую армию Ленин еще с большей силой подчеркнул на VII съезде партии²¹. Армию, испытавшую не-

¹⁶ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 533, лл. 26—27.

¹⁷ Там же, л. 44.

¹⁸ «Красный архив», 1937, т. 5(84), стр. 176.

¹⁹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 691, л. 119 об.

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 2.

²¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 74—75.

слыханные мучения, истерзанную лишениями войны, Ленин назвал больной частью русского государственного организма²². «Чем скорее мы ее демобилизуем, — говорил Ленин, — чем скорее она рассосется среди частей, еще не настолько больных, тем скорее страна сможет быть готовой для новых тяжелых испытаний»²³.

Демобилизацию приходилось проводить в условиях разрухи транспорта и продовольственного кризиса, которые остались Советскому государству в наследство от царизма и керенщины, в условиях начавшейся гражданской войны с бандами Каледина, Дутова, Центральной рады. Неправильный курс или ошибки при проведении демобилизации около 12 млн. солдат в этих условиях могли привести к экономической катастрофе, к столкновению фронта и тыла, к распространению анархии и торжеству самой черной реакции. Только Советская власть и объединенные Советами миллионные массы могли справиться с грандиозной задачей проведения демобилизации таким образом, чтобы избежать катастрофы.

Это был мучительный процесс, полный драматических столкновений и конфликтов, вызванных усталостью народа и разжигаемых контрреволюцией. Но сквозь этот хаос явственно пробивалось организующее начало, вносимое революционным пролетариатом и его партией.

Партия большевиков трезво оценила растущую опасность для страны в связи со стихийной демобилизацией. Совет Народных Комиссаров вопросами демобилизации поручил заниматься крепко связанным с армией опытным партийным работникам. Среди них нужно назвать таких деятелей большевистской партии, как Н. И. Подвойский, В. И. Невский, М. С. Кедров, К. С. Еремеев и многие другие.

Первый правительственный документ о постепенной демобилизации армии был опубликован за подписью В. И. Ленина 10 ноября 1917 г. Этот декрет, по которому увольнялись в бессрочный запас солдаты призыва 1899 г.²⁴, положил начало организованной демобилизации армии. В тот же день, 10 ноября, декрет был передан по радио во все армии. Для руководства всем делом подготовки демобилизации старый большевик М. С. Кедров декретом за подписью В. И. Ленина был назначен заместителем Народного комиссара по военным делам «по отделу демобилизации»²⁵.

Большевистская печать развернула большую разъяснительную работу среди солдат. Редактор органа Наркомата по военным и морским делам — газеты «Армия и Флот рабочей и крестьянской России» К. С. Еремеев писал 21 ноября о трех важнейших задачах демобилизации: 1) Возвратить во все концы необъятной Российской республики миллионы солдат на места постоянного жительства. 2) Предоставить для всенародного пользования войсковое имущество, которое стоит миллиарды рублей. 3) Возвратить крестьянству в народное хозяйство миллионы лошадей²⁶.

Цитируемая статья еще не отвечала на вопрос о методах и сроках проведения демобилизации. Смысл выступления К. С. Еремеева заключался в том, чтобы предостеречь солдат от самовольной демобилизации. «...Всякая дезорганизация в деле демобилизации принесет непоправимый вред и ввергнет страну в тяжчайшие бедствия, — писал К. Еремеев. — Если солдатская масса двинется с фронта стихийно, без подготовки, неорганизованно, то первые же людские волны разобьют, разрушат и остановят всякое сообщение и провоз грузов. Они сами попадут в бедственное положение и создадут чрезвычайные бедствия как для оставшихся на фронте миллионов товарищей, так и для населения, для своих же родных

²² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 74—75.

²³ Там же, стр. 75.

²⁴ «Декреты Советской власти», т. I, М., 1957, стр. 66.

²⁵ «Известия ВЦИК», 25 ноября 1917 г.

²⁶ «Армия и Флот рабочей и крестьянской России», 21 ноября 1917 г. С 18(31) января 1918 г. газета начала выходить под названием «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот». В дальнейшем всюду — «Армия и Флот...».

и близких, к которым они неудержимо стремятся. Тогда перед солдатами будут сотни и тысячи верст пешего марша вместо нескольких дней пути по железной дороге, недели и месяцы голодного шествия без обуви, без пищи, без медицинской помощи. Это должны все знать и понять до последнего солдата и к разъяснению этого должны приступить немедленно все полковые и командные комитеты»²⁷.

Несколько дней спустя на страницах этой же газеты была опубликована статья, подписанная инициалом «К.», которая, очевидно, принадлежала М. Кедрову. Охарактеризовав деятельность учреждений по демобилизации в дооктябрьский период, автор впервые поставил вопрос о порядке демобилизации, изложив несколько вариантов ее проведения: год за годом, по нескольку годов сразу или по территориальному принципу. Окончательно не решая этот вопрос, автор особо подчеркивал, что техника железнодорожных перевозок должна быть тщательно разработана²⁸. Статья ориентировала солдатские организации на необходимость организованной подготовки к проведению демобилизации.

Контрреволюция рассчитывала, что большевики не справятся с демобилизацией, а стихийный уход солдат с фронта приведет к краху Советов. Ставка Духонина, существовавшая до 20 ноября, в этих целях преднамеренно запутывала дело демобилизации. Сплочение солдатских масс проходило в борьбе с контрреволюционным генералитетом. «Пока Духонин не был изобличен и смещен, — говорил Ленин, — у армии не было уверенности в том, что она проводит международную политику мира. Сейчас эта уверенность есть: воевать с Духониным можно только обращаясь к чувству организованности и самостоятельности солдатской массы»²⁹. С ликвидацией контрреволюционной Ставки развернулась борьба за организованную демобилизацию армии. Необходимо было срочно выработать общий план демобилизации.

В этом направлении огромную работу проводили большевистские армейские, корпусные, дивизионные, полковые и другие комитеты. Армейский исполнительный комитет I армии опубликовал в своей газете призыв к солдатам «подчиняться общему плану передвижения, демобилизации, перегруппировок... Мы думаем, что не иссяк еще в массах государственный разум, что вы не дадите неразумным разрушить только что начавшую строиться новую прекрасную жизнь, и вы напряжете последние силы, чтобы терпеливо ожидать своей очереди, разумно подчиняться общему плану, выработанному вашими избранниками... Помните, что Каледины и Корниловы страстно ждут у нас беспорядков...»³⁰.

26 ноября в Петрограде открылся Всероссийский съезд (совещание) по продовольствию, снабжению и демобилизации армии³¹. Совещание открыл народный комиссар по военным делам Н. И. Подвойский. Он поставил перед делегатами две задачи — обеспечить продовольствием армию и выработать условия и порядок ее демобилизации. По сути дела совещание ограничилось вопросами снабжения армии, рассматривая их главным образом в связи с задачей демобилизации. «Необходимо, — писал орган Наркомвоена, — создать условия, при которых передвижение с фронта в тыл миллионной армии делается возможным и не поведет за собой голода, мора и опустошения для целых округов и областей»³².

Как выяснилось в ходе работы совещания, снабжение армии продовольствием находилось в катастрофическом положении. Совещание показало необходимость бдительного контроля над деятельностью старого

²⁷ «Армия и Флот...», 21 ноября 1917 г.

²⁸ «Армия и Флот...», 26 ноября 1917 г.

²⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 284.

³⁰ «Известия Армейского Исполнительного Комитета I армии», 28 ноября 1917 г.

³¹ В ряде документов этот съезд называется Общеармейским совещанием по продовольствию, что более точно выражает его характер (см. «Армия и Флот...», 28 ноября 1917 г.).

³² «Армия и Флот...», 28 и 30 ноября 1917 г.

аппарата снабжения армии и постепенной замены его новым, советским аппаратом. В некоторых частях армии такой аппарат уже начал создаваться³³.

Совещание выделило Всероссийскую комиссию, на которую было возложено руководство всей деятельностью по снабжению армии снаряжением и продовольствием³⁴, предложило местным демократическим организациям установить контроль за снабжением, наладить посылку команд на узловые железнодорожные станции, чтобы обеспечить снабжение фронта и голодающих губерний тыла. Совещание призывало всех граждан к сплочению вокруг Советской власти, к борьбе с саботажем, мешочничеством, спекуляцией.

Резкое ухудшение продовольственного положения армии остро ставило вопрос об ускорении ее демобилизации. 28 ноября 1917 г. в Петрограде открылось совещание по демобилизации армии³⁵. На совещании присутствовали делегаты от III и XII армий, Петроградского, Казанского, Саратовского, Курского и других гарнизонов, от Польских войск, представители Наркомвоена, Комиссариата по демобилизации армии и др. Председателем совещания по демобилизации был избран М. С. Кедров. Совещание работало три дня. Оно выделило из своего состава организационное бюро по подготовке съезда по демобилизации армии и назначило съезд на 15 декабря. Совещание приняло резолюцию, в которой подчеркивалась необходимость еще до начала общей демобилизации «приступить к увольнению возможного числа сроков»³⁶.

На совещании был заслушан доклад Народного комиссара труда о планах демобилизации промышленности в связи с демобилизацией армии. Наркомтруд предложил проект создания единого комиссариата по демобилизации армии и промышленности³⁷. Совещание создало комиссию для рассмотрения этого проекта.

Делегаты совещания провели большую организационную работу. Из состава делегатов, а также из представителей путиловских рабочих были командированы эмиссары в важнейшие фронтовые и тыловые железнодорожные узлы, где скапливались увольняемые солдаты. Для эмиссаров была выработана специальная инструкция, которая предоставляла им широкую инициативу в создании районных комитетов из представителей местных Советов, Военно-революционных комитетов, железнодорожных и других организаций. Эти комитеты должны были заботиться о продовольственном снабжении эшелонов демобилизуемых, об охране станций и путей и принимать меры к предотвращению возможных эксцессов³⁸.

Обратимся к той работе по демобилизации, которая велась в это время на фронтах. 23 ноября 1917 г. в Ставке собралось частное заседание совещания по демобилизации. Это произошло через три дня после взятия Ставки советскими войсками. На этом заседании был определен примерный объем работы по общей демобилизации. По подсчетам генерала Бармина, на фронте и в ближайшем тылу фронта находилось около 8 млн. солдат³⁹. «При 80 поездах в сутки продолжительность вывоза солдат

---

³³ Например, при интендантстве Петроградского военного округа был создан из представителей солдат, рабочих и железнодорожных служащих комитет по снабжению и продовольствию («Армия и Флот...», 30 ноября 1917 г.).

³⁴ В других источниках эта комиссия называется Центральным комитетом по снабжению и продовольствию армии («Армия и Флот...», 3 декабря 1917 г.).

³⁵ Предполагалось в этот день открыть съезд по демобилизации армии, но ввиду недостаточного числа делегатов провели совещание.

³⁶ «Армия и Флот...», 3 декабря 1917 г.

³⁷ «Армия и Флот...», 6 декабря 1917 г.

³⁸ «Армия и Флот...», 3 и 6 декабря 1917 г.

³⁹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 696, л. 19 об. Бармин в своих подсчетах исходил из того, что непосредственно на фронте находилось 159 дивизий. По другим сведениям, на фронте было 173 пехотных дивизии, не считая 18 кавалерийских (там же, д. 698, л. 14).

каждого призыва будет обнимать около трех суток»⁴⁰, — записано в протоколе совещания. Это означало, что при идеальной работе железных дорог и четкой организации работы штабов для проведения демобилизации фронтовых частей понадобилось бы более двух месяцев. По более реальным подсчетам солдатских организаций, для этого понадобилось бы около трех месяцев⁴¹. В тыловых округах, по подсчетам Ставки, находилось более 3 млн. солдат, значительная часть которых также подлежала демобилизации.

В конце ноября — первой половине декабря проходили фронтовые и армейские съезды по демобилизации. Имеются данные о съездах Северного, Западного, Юго-Западного фронтов, съездах III и VI армий и др. Все эти съезды принимали решения о необходимости ускорить общую демобилизацию и немедленно приступить к частичной демобилизации. Так, съезд по демобилизации Северного фронта 30 ноября 1917 г. вынес такое решение: «В первую очередь необходимо провести частичную демобилизацию с целью уменьшить численный состав армии и тем улучшить питание и снабжение оставшихся. Такая демобилизация вызывается настойчивым стремлением фронта и промедление в этом вопросе может вызвать массовый уход с фронта»⁴². Съезд III армии Западного фронта в начале декабря 1917 г. потребовал полной демобилизации, а до начала ее — частичной демобилизации старших возрастов. Разработку плана и проведение демобилизации съезд возложил на особые демобилизационные комиссии⁴³.

Вся эта подготовительная работа, проходившая при активном участии самих солдат, сдерживала стихийный порыв к немедленной демобилизации. На фронте создавались революционные суды, которые развернули борьбу за укрепление фронта до заключения мира. «Самовольный уход с позиций в такое время есть преступление перед делом мира»⁴⁴, — писал в своем приказе командующий Западным фронтом А. Мясников. «Я требую от каждого солдата, — гласил приказ, — напряжения всей его революционной воли, чтобы достоять на фронте до конца. И как раньше, когда мятежные генералы не захотели подчиниться приказу начать переговоры о перемирии, я передал это дело в руки самих солдат... точно так же теперь в руки самих солдат передаю дело сохранения твердости фронта»⁴⁵.

И миллионы солдат стояли, держали фронт, полные веры в то, что народное правительство во главе с Лениным сумеет добиться мира и обеспечит организованное возвращение солдат к мирному труду.

Конечно, стихийная демобилизация продолжалась и после Октябрьской революции. Командующий Петроградским военным округом старый большевик К. Еремеев впоследствии писал о состоянии армии после победы Октябрьского восстания и заключения перемирия: «Перемирие на фронте, уверенность, что после Октябрьского переворота войне конец, сделало тягу солдат домой, в деревню, неудержимой. Если уже после Февральской революции уход с фронта был обычным явлением, которое нельзя было устранить, то теперь 12 млн. солдат, цвет крестьянства, почувствовали себя лишними в частях армии и чрезвычайно нужными там, ...где „делают землю“. Полки чрезвычайно поредели. Утечка происходила стихийно, принимая самые разнообразные формы: многие просто самовольно отлучались, покидая свои части, в большинстве захватив винтовки и патроны. Не меньшее число пользовалось всяким легальным способом — в отпуску, в самые различные командировки, „для связи“ и т. п. Наконец, пользовались болезнью настоящей или мнимой»⁴⁶.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 696, л. 19.

⁴¹ См. «Армия и Флот...», 22 декабря 1917 г.

⁴² «Армия и Флот...», 14 декабря 1917 г.

⁴³ См. «Известия ВРК III армии», 9 декабря 1917 г.

⁴⁴ См. там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ К. Еремеев. Начало Красной Армии. «Пролетарская революция», 1928, № 4(75), стр. 154.

Такова была обстановка, по свидетельству современника и участника событий. Однако это только частично характеризовало состояние армии. Удивляться следует не тому, что многие тысячи солдат бежали с фронта, а тому, что м и л л и о н ы солдат терпеливо ждали организованного проведения демобилизации. Процесс демократизации армии, интенсивно проходивший в ноябре — декабре 1917 г., обнадеживающие вести из Бреста о переговорах с немцами — все это позволяло революционным организациям на фронте под руководством большевиков развернуть подготовку к демобилизации армии.

Сила организованности в подготовке и проведении демобилизации проявилась уже в ноябре — декабре 1917 г., особенно на Северном и Западном фронтах. В это время проходило формирование армейских и корпусных демобилизационных комиссий и начала проводиться демобилизация солдат призывов 1899, 1900, 1901 гг.⁴⁷

Стремясь обеспечить наибольшую пропускную способность железных дорог, Верховный Главнокомандующий Н. В. Крыленко 8 декабря 1917 г. приказал всем фронтам прекратить увольнение в отпуск и сократить командировки в связи с демобилизацией солдат призыва 1900 г.⁴⁸ По мере того как демобилизация разворачивалась, становилось необходимым более активное вмешательство и помощь руководящих центров армейским организациям. Комиссариат по военным делам и Комиссариат по демобилизации (Демоб) наметили основные посадочные станции для отправки демобилизуемых фронтовых частей, разработали порядок следования эшелонов. В каждый эшелон местной демобилизационной комиссией назначался комиссар, в каждый вагон — староста, эшелон сопровождали 20 вооруженных солдат⁴⁹. Демоб направил на места своих эмиссаров, которые сыграли большую роль в организации солдатских масс⁵⁰. Советское командование приняло ряд мер к наведению порядка в деле демобилизации. 8 декабря Верховный Главнокомандующий Н. В. Крыленко отдал приказ по всем фронтам о создании охраны железнодорожной сети в пределах каждого фронта⁵¹. В Ставке было сформировано Управление по демобилизации, на которое возлагалась задача осуществления планов Демоба⁵². Однако сохранившийся в Ставке старый военный аппарат, из которого и было создано Управление по демобилизации, не столько работал, сколько тормозил работу. Начальник штаба М. Д. Бонч-Бруевич в ряде приказов требовал ускорения работы, указывал на недопустимую медлительность.

Главная тяжесть работ по демобилизации падала на Военно-революционные комитеты и солдатские организации — от полковых до армейских и фронтовых включительно.

Солдатские комитеты и эмиссары Демоба настойчиво боролись за порядок и организованность во время демобилизации. Эта борьба не могла, конечно, остановить поток рвущихся домой солдат. Но даже сдерживание этого потока и внесение в демобилизацию планомерности и организованности имели огромное значение. Это была борьба за солдатские массы против контрреволюции и анархии.

Эмиссар Баранов телеграфировал в конце января 1918 г. М. С. Кедро-

---

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 321, л. 110; д. 322, лл. 25, 38, 41, 62, 66; д. 310, лл. 48—50, 59—61 и др.

⁴⁸ ЦГАКА, ф. 79, оп. 1, д. 1, л. 23.

⁴⁹ Там же, д. 8, л. 23.

⁵⁰ Там же, л. 25. Эмиссары были посланы в крупнейшие фронтовые и прифронтовые центры и тыловые железнодорожные узлы — Псков, Валк, Бологое, Вологду, Минск, Полоцк, Молодечно, Смоленск, Витебск, Сухиничи, Брянск, Москву, Ржев, Козлов, Воронеж, Грязи, Вязьму, Тулу, Бердичев, Киев, Харьков, Екатеринослав, Курск, Орел, Жмеринку, Бахмач, Одессу и др.

⁵¹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 533, л. 296.

⁵² Там же, д. 698, л. 110.

ву из Ржева: «...По инструкции выполнено все сполна. Запас провианта имеется на 20 дней... Проходит 8 эшелонов в сутки». Эмиссары Сысоев и Бирюков докладывали в Демоб 17 января, что они организовали на ст. Воронез бюро по демобилизации армий, создали питательный пункт, который может пропускать в сутки 2000 человек⁵³. Многие эмиссары, не ограничиваясь работой по демобилизации армии, руководили борьбой с контрреволюцией. Так действовал путиловский рабочий Мефодий Яковлев, направленный эмиссаром по демобилизации в Курск. Яковлев взял на себя создание революционных органов и принял активное участие в борьбе с Центральной радой⁵⁴.

Анархию и дезорганизацию в солдатские массы чаще всего вносили контрреволюционные силы. Так, Военно-революционный комитет V армии в конце декабря 1917 г. установил, что в частях действуют провокаторы и предатели, которые обманывают отсталых солдат. «Военно-революционный комитет V армии, — говорилось в обращении к солдатам, — при поддержке всех сознательных революционеров, при поддержке всех честных товарищей солдат будет беспощадно бороться со всеми, кто... способствует контрреволюции, со всеми, кто срывает дело мира»⁵⁵.

В частях III армии Западного фронта в начале января 1918 г. в результате разлагающей работы контрреволюционных элементов усилилось стремление солдат к беспорядочной, самовольной демобилизации. Так, в 28-й пехотной дивизии, по наущению офицерства, было выдвинуто ультимативное требование немедленного отвода дивизии в глубокий тыл. 12 января этот вопрос обсуждался на исполнительном бюро Армейского Совета III армии. Армейский Совет предложил солдатам 28-й пехотной дивизии арестовать всех подстрекателей к самовольному оставлению позиций и предать их суду революционного трибунала. «Всех покинувших позицию...— решил Армейский Совет,— считать врагами революции и о таком постыдном поступке будет через газеты оповещена вся Российская республика»⁵⁶. Армейский Совет принял решительные меры к улучшению снабжения 28-й дивизии продуктами. Эшелон из 8 вагонов был направлен в дивизию до 11 января. В воззвании к солдатам 28-й дивизии Армейский Совет призывал терпеливо ждать организованной демобилизации, напоминая, что каждые несколько дней демобилизуется один призывной год. «Армсовдеп не может допустить, чтобы вы, уцелевшие в кровавой войне, погибли на железных дорогах, падая с поездов и замерзая на крышах и буферах вагонов»⁵⁷.

Настойчивая и напряженная работа эмиссаров Демоба и солдатских Советов Северного и Западного фронтов в значительной степени ограничила стихийную демобилизацию и ввела ее в более организованные рамки.

Во второй половине декабря 1917 г. и особенно в январе 1918 г. борьба с деморализацией армии потребовала напряжения всех сил центрального и местного армейского аппарата. Развал стал охватывать даже наиболее устойчивые части на Северном и Западном фронтах. Из XII армии Северного фронта сообщали о самовольном оставлении позиций 542-м лепельским и 79-м сибирским полками. Такие же сведения приходили из V армии Северного фронта, из 50-го корпуса Западного фронта и других частей⁵⁸. Начальник 75-й дивизии Ливенцов писал 16 января 1918 г. в штаб Западного фронта, что старшие сроки службы увольняются в дивизи-

⁵³ ЦГАКА, ф. 79, оп. 1, д. 19, лл. 36, 37.

⁵⁴ Там же, л. 37.

⁵⁵ Там же, л. 64.

⁵⁶ «Известия Армейского Совета с. д. III армии и Полоцкого Совета р. и к. д.», 21 января 1918 г.

⁵⁷ «Известия Армейского Совета с. д. III армии и Полоцкого Совета р. и к. д.», 23 января 1918 г.

⁵⁸ См. ЦГВИА, ф. 94с, оп. 1, д. 33, л. 230; ф. 2003, оп. 1, д. 416, лл. 18—19; д. 68, л. 13.

зии, «не ожидая распоряжений и сроков перевозки. Дошло уже до 1908 г. Есть вероятность, что будут таким же темпом увольняться до 1914 г.»⁵⁹.

Если 9 декабря 1917 г. сводка по Особой армии отмечала состояние пехотных частей как удовлетворительное, то донесение от 28 декабря лаконично констатировало, что боеспособность Особой армии равна нулю⁶⁰. В донесении, составленном офицером, весьма скептически относившимся к мероприятиям Советской власти по демобилизации, говорилось: «Никакие высокие лозунги не заставят солдат снова начать войну»⁶¹. Нужно было обладать большевистской, ленинской прозорливостью и верой в творческие силы масс, чтобы видеть в этих же солдатах силу, способную героически сражаться и показать чудеса военной доблести в борьбе против интервентов. Но автор донесения видел в солдатских массах только разрушительную стихию. Он дал фотографический отпечаток состояния Особой армии. В донесении отмечалось, что в 44-м корпусе Особой армии «жажда немедленного окончания войны при полном отсутствии дисциплины лишает возможности командный состав и комитеты предотвратить гибель корпуса и остановить повальное бегство солдат в тыл. Никакие приказания и распоряжения не выполняются»⁶². Дальше в донесении сообщалось, что дивизионные комитеты 57 и 3-й дивизий приняли решение провести с 27 декабря по 2 января увольнение со службы солдат призыва по 1912 г. включительно⁶³.

Таким образом, в этих дивизиях было решено провести в течение одной недели демобилизацию солдат одиннадцати призывов (с 1902 по 1912 г.), тогда как по приказам Наркомвоена к 3 января должен был уволиться из армии только один возраст — 1902 г. Такая демобилизация вне общего плана усиливала развал армии, хотя и в меньшей степени, чем самовольный уход с фронта отдельных групп солдат.

В январе 1918 г. положение значительно ухудшилось. Сводки о настроении армии от 13 и 20 января 1918 г. отмечали рост дезертирства «до чрезвычайных размеров» в районе расположения I, III, V и X армий. В X армии дезертирство приняло массовый характер⁶⁴.

О состоянии войск Юго-Западного фронта в сводке говорилось, что «солдаты старых годов категорически требуют отпуска по домам, войсковые комитеты самовольно демобилизуют части; в центральных пунктах скопилась масса солдат, что грозит разразиться в ужасную катастрофу погромного характера; в распоряжении штаба нет сил и средств предупредить или прекратить беспорядки»⁶⁵.

Особенно сильно разложение охватило части Юго-Западного и Румынского фронтов. Разлагающая деятельность Центральной рады, провокации украинских националистов усиливали деморализацию частей Юго-Западного фронта. 19 декабря 1917 г. из Ровно сообщили о «самочинном расформировании частей, массовом увольнении старших сроков до 1910 г... Армия течет неудержимо, нет средств остановить поток, грозящий неисчислимыми бедствиями району армии [и] всему тракту [на] Киев». В этой же телеграмме отмечалось, что ежедневно уходят в отпуск 3,5% наличного состава частей⁶⁶. Предательское наступление румынских войск еще больше ускорило разложение частей Румынского фронта, что особенно сказалось на состоянии VIII армии⁶⁷.

⁵⁹ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 68, л. 13.

⁶⁰ См. «Разложение армии в 1917 г.», М.—Л., 1925, стр. 170, 175.

⁶¹ Там же, стр. 175.

⁶² См. там же.

⁶³ Там же. Подобного же типа донесения шли из XII армии, 3-го армейского корпуса и других частей, стр. 176—178.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 536, лл. 2—5.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, д. 696, л. 43.

⁶⁷ ЦГВИА, ф. 89с, оп. 1, д. 2, переписка Ревкома VIII армии за декабрь 1917—январь 1918 г.

Однако было бы ошибочным судить о состоянии фронта только по этим сводкам, по данным о глубоком разложении, действительно охватившем старую армию. Суть дела в том, что, наряду с распадом старого армейского организма, происходило рождение и развитие нового организма. Это новое проявлялось в деятельности солдатских комитетов, в росте и укреплении Военно-революционных комитетов в армии, в ходе борьбы с контрреволюционными очагами на Украине, на Дону, с легионами Довбор-Мусницкого в Белоруссии. Все это оказывало свое организующее революционное влияние на ход демобилизации, сдерживало стихийность, ослабляло деморализацию, способствовало предотвращению, казалось, неизбежной катастрофы. Огромное влияние на ход демобилизации оказывал рабочий класс.

Уже в декабре 1917 г. все крупные станции железных дорог, ведущих от фронта в тыл, были забиты огромными массами солдат. Вот как об этом рассказывает участник событий, один из первых работников Народного комиссариата путей сообщения П. Лебит: «Масса солдат и матросов двигалась с фронтов не дожидаясь своей очереди и организованной отправки. Все станции забивались демобилизованными. Места в поезде брали с боя. Захватывались целые поезда. Солдаты силой заставляли обслуживающий персонал движения формировать состав поездов и отправлять их туда, куда нужно было большинству, а зачастую и незначительной группе собравшихся демобилизованных и примазавшихся к ним спекулянтов»⁶⁸.

На заседании солдатской секции Петроградского Совета 22 декабря 1917 г. обсуждался вопрос о наведении порядка на железнодорожном транспорте. На заседании было сообщено, что все вокзалы Петроградского узла не в состоянии организовать отправку поездов, так как огромный поток демобилизуемых и отпусковиков «в корне подрывает и расстраивает железнодорожное сообщение — этот главный нерв жизни страны, угрожая окончательной разрухой и голодом...»⁶⁹. Солдатская секция решила выделить в распоряжение комиссаров вокзалов солдат для охраны железных дорог, поездов, путей и для наведения порядка.

П. Лебит рассказывает также, как рабочим при помощи самих солдат удалось внести порядок в солдатскую стихию. Так, на Николаевской дороге многие рабочие организовались в особые группы, выделили специальных товарищей в помощь красногвардейцам и солдатам. «Нам прислали подкрепление из стойких и выдержанных солдат. Все выходы на полотно и вокзал были заняты нами усиленной охраной... Впуск на перрон производился небольшими группами. Отнимались у них (демобилизованных солдат. — Е. Г.) винтовки, а у матросов, кроме винтовок, и имущество, принадлежавшее кораблям»⁷⁰. Обезоруженные группы демобилизованных постепенно отправлялись в строгом порядке.

Кипучую деятельность по демобилизации армии развернул Народный комиссариат по военным делам, возглавляемый Н. В. Крыленко, Н. И. Подвойским, В. А. Антоновым-Овсеенко, К. А. Мехоношиным и другими большевиками, а Комиссариат по демобилизации армии во главе с М. С. Кедровым. Постановлением Народного комиссариата по военным делам (совместно с Народным комиссариатом внутренних дел) всем местным Советам было предложено произвести на местах учет демобилизованных и возвратившихся по месту жительства солдат. Все солдаты, покинувшие свои части до объявления демобилизации, подлежали регистрации в местных Советах⁷¹. Такие солдаты, по решению местных

⁶⁸ Воспоминания П. Лебита, см. «Красная летопись», 1926, № 6, стр. 89.

⁶⁹ «Армия и Флот...», 28 декабря 1917 г.

⁷⁰ «Красная летопись», 1926, № 6, стр. 89.

⁷¹ См. «Постановления Первого Общеармейского съезда по демобилизации армии», Пг., 1918. Брошюра хранится в ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 698.

Советов, обычно лишались пайка. Для скорейшего поднятия провозоспособности железных дорог Комиссариат по военным делам и Комиссариат по демобилизации приказали уволить в запас всех квалифицированных специалистов железнодорожников ⁷².

* * *

Под руководством Народного комиссариата по военным делам и Комиссариата по демобилизации проходил в декабре 1917 г. Общеармейский съезд по демобилизации армии. Детально разработанные решения съезда о порядке увольнения, о снабжении армии в условиях демобилизации, о транспорте, об охране путей сообщения при демобилизации, о создании специальных органов по руководству демобилизацией и др. ⁷³ послужили сильным средством сплочения солдатских масс вокруг большевиков и способствовали правильной организации передовых элементов армии для более или менее планомерной демобилизации.

К середине декабря 1917 г. организационное бюро, выделенное совещанием по демобилизации армии, закончило свою работу по подготовке Общеармейского съезда. К этому времени более ясно обозначилась связь между двумя основными вопросами — демобилизацией армии и созданием новой, социалистической армии. В редакционной статье газеты «Армия и Флот рабочей и крестьянской России», посвященной открываемому съезду, говорилось: «Прежде всего на съезде станет основной и принципиальный вопрос: какова может и должна быть при настоящих политических условиях народная армия?»

Перевести армию просто на „мирное положение“, как это было сделано после японской войны, — ни одному участнику съезда, вероятно, и в голову не придет. Очевидно, придется исходить из того решения, которое будет предложено государственной властью... Как полагают многие прибывшие делегаты, съезду надо решить в первую голову вопрос, кто должен остаться после общей демобилизации, чтобы нести необходимую государственную службу, пока не будет организована новая, народная армия. И только решив вопрос, кто останется, съезд сможет приступить к решению вопроса о демобилизации» ⁷⁴.

В этой статье еще нет полного понимания необходимости одновременного решения вопросов создания новой и демобилизации старой армий. Однако организационное бюро близко подошло к правильному решению вопроса, поставив создание новой армии как важнейшую задачу Советского государства. В статье перечисляются вопросы, которыми надлежало заняться съезду — очередность демобилизации, транспорт, продовольствие, демобилизация лошадей, демобилизация промышленности, трудовое устройство демобилизованных и т. д.

15 декабря 1917 г. Всеармейский съезд по демобилизации открылся. Съезд начал свою работу в обстановке быстрого распространения Советской власти по всей стране, успешного подавления очагов контрреволюции, после заключения перемирия и накануне начала мирных переговоров в Бресте. К этому времени уже были сделаны первые шаги по созданию органов формирования новой армии. Съезд должен был превратиться в политический центр, сдерживающий стихийную демобилизацию и ускоряющий процесс создания новой армии.

По своему составу съезд являлся подлинным представителем солдатских масс, воли низов. Из доклада мандатной комиссии видно, что на съезде было 272 делегата (по одному представителю от каждого дивизионного и флотского комитета), из них 230 — с решающим голосом.

⁷² ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 5.

⁷³ См. «Армия и Флот...», 26 января 1918 г.

⁷⁴ «Армия и Флот...», 16 декабря 1917 г.

В составе делегатов насчитывалось 119 большевиков и 45 левых эсеров⁷⁵. Партийность остальных делегатов неизвестна. Можно предполагать, что вокруг так называемой «внефракционной группы» объединялись на съезде меньшевики и правые эсеры. Руководящая роль на съезде принадлежала большевикам. Их борьба за организованную демобилизацию и создание крепкой Красной Армии объединила значительное большинство съезда. Зачастую и левые эсеры вынуждены были идти за большевиками.

Съезд избрал президиум из 5 большевиков, 3 левых эсеров и 3 беспартийных.

На съезде выступили представители от Народного комиссариата по военным делам, военной организации ЦК большевиков, военного отдела Петроградского Совета и других организаций. Представитель Народного комиссариата по военным делам отметил, что перед съездом стоит задача «планомерной демобилизации многомиллионной голодной массы солдат. Такая армия становится уже ненадежной и ее необходимо распустить, но распустить так, чтобы она не сделала вреда ни себе, ни населению»⁷⁶.

Ввиду чрезвычайно острого положения на фронте съезд, по предложению Комиссариата по военным делам, выделил из своего состава представителей от I—XII армий, Особой армии, войск, находившихся в Финляндии и в Ревельском укрепленном районе, для немедленного проведения вместе с Комиссариатом по военным делам и Комиссариатом по демобилизации частичной демобилизации армии⁷⁷. Для участия в работе по демобилизации, проводимой Ставкой Верховного главнокомандующего в Могилеве, были выделены представители (по одному от каждой армии)⁷⁸. Таким образом, съезд сразу же, с первого дня своей работы, приступил к проведению демобилизации.

Съезд разбился на четыре секции. В первой секции рассматривались главным образом вопросы будущего устройства армии. Во второй секции разрабатывались общие вопросы демобилизации, порядок увольнения, вопрос об оружии и т. д. В третьей секции — вопросы техники демобилизации (транспорт и снабжение, прежде всего). И, наконец, в четвертой секции обсуждались вопросы организации управления демобилизацией⁷⁹. Общеармейский съезд по демобилизации армии превратился в крупный политический центр. Съезд принимал активное участие в борьбе с врагами революции. Делегаты съезда работали агитаторами в частях Петроградского гарнизона, активно участвовали в демонстрации 17 декабря 1917 г., прошедшей под лозунгом защиты мира. 20 декабря состоялось совместное заседание ВЦИК, Петроградского Совета и Всеармейского съезда по демобилизации армии. На этом заседании был заслушан доклад советской мирной делегации, возвратившейся из Бреста⁸⁰.

21 декабря съездом было принято решение о порядке демобилизации. В нем говорилось: «...Принимая во внимание необходимость принятия спешных мер к восстановлению хозяйственной мощи Республики, что возможно только при условии возвращения в свои хозяйства и семьи в первую очередь старших сроков призыва, считаем единственно возможным и полезным для страны при общей демобилизации увольнение производить в порядке старшинства сроков призыва начиная со старшего»⁸¹. Это поста-

⁷⁵ «Армия и Флот...», 16 и 17 декабря 1917 г. Данные о партийном составе делегатов относятся к моменту открытия съезда 15 декабря, когда всех делегатов насчитывалось 234.

⁷⁶ «Армия и Флот...», 16 декабря 1917 г.

⁷⁷ ЦГАКА, ф. 79, оп. 1, д. 5, л. 62.

⁷⁸ Там же, л. 58.

⁷⁹ Делегаты съезда, выделенные для помощи Наркомвоенту и Демобу, были использованы впоследствии для работы по организации новой армии, по ликвидации и эвакуации войскового имущества (ЦГАКА, ф. 79, оп. 1, д. 5, лл. 78, 103 и др.).

⁸⁰ См. «Армия и Флот...», 21 декабря 1917 г.

⁸¹ «Армия и Флот...», 23 декабря 1917 г.

новление съезда решало очень острый вопрос, который вызывал споры и столкновения в армии. Часть солдат старших возрастов была призвана в армию в последний год перед революцией, и старые фронтовики считали несправедливым начинать демобилизацию по возрасту (по срокам призыва), требуя, чтобы главным принципом очередности демобилизации был срок пребывания на фронте. Однако такой принцип не мог быть принят, он запутал бы все дело демобилизации и обострил бы конфликты в армии.

Практическая работа по демобилизации не прекращалась ни на один день. С середины декабря до середины января была подготовлена и проведена демобилизация солдат призывов 1902—1907 гг.⁸² В это же время прошла демобилизация учителей, инженеров, техников, студентов.

С конца декабря главным вопросом работы съезда по демобилизации становится вопрос о создании новой армии. Еще накануне открытия Общеармейского съезда и в первые дни его работы был проведен ряд совещаний с делегатами — видными работниками фронтовых и армейских организаций. На одном из таких совещаний, по свидетельству его участников (Н. И. Подвойского и Д. С. Витебского), присутствовал В. И. Ленин⁸³. Вероятнее всего это произошло 17 декабря 1917 г., в день, когда Общеармейский съезд срочно выделил представителей армий и фронтов для участия в заседании комиссии по демобилизации в Народном комиссариате по военным делам. На этой комиссии с представителями фронтов и армий В. И. Ленин огласил составленную им анкету, попросив представителей армий ответить на поставленные вопросы⁸⁴.

⁸² В ноябре—декабре 1917 г. была проведена демобилизация трех возрастов — призывы 1899, 1900, 1901 гг. 3 января 1918 г. была объявлена демобилизация солдат призыва 1902 г., 10 января—1903 г., 16 января—1904—1907 гг., 29 января—1908—1909 гг., 16 февраля—1910—1912 гг. и 2 марта—1913—1915 гг. Последние четыре призыва 1916—1919 гг. прошли демобилизацию до 12 апреля 1918 г.

⁸³ ЦПА ИМЛ, ф. 146, оп. 1, д. 13, л. 4; «Записки Института Ленина», М., 1927, вып. II, стр. 41.

⁸⁴ О выделении съездом представителей в комиссии по демобилизации см. «Армия и Флот...», 19 декабря 1917 г. О заседании комиссии, на которой выступал Ленин, упоминает Д. С. Витебский, называя время заседания до 19 декабря (см. «Записки Института Ленина», вып. II, стр. 41). Есть еще одно подтверждение, что совещание делегатов съезда и заполнение ими ленинской анкеты произошло 17 декабря. Накануне, 16 декабря, Н. В. Крыленко выступал на заседании СНК с докладом «О переходных формах устройства армии в период демобилизации» (ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 27, л. 4). Однако решение на этом заседании не было принято, в протоколе отмечено: «Произошел только обмен мнений». 18 декабря СНК обсуждает уже результаты анкеты. Следовательно, данные этой анкеты могли быть получены в СНК только 17 декабря, когда и состоялось совещание с участием Ленина.

Точного текста ленинских вопросов делегатам Общеармейского съезда не сохранилось. Текст, приведенный в третьем и четвертом изданиях Сочинений В. И. Ленина (см. т. 26, стр. 356—357), воспроизведен по записи участника съезда Д. С. Витебского (см. «Записки Института Ленина», вып. II, стр. 41). Этот текст включает десять вопросов. Н. И. Подвойский считает, что в анкете, переданной делегатам съезда, было три вопроса (ЦПА, ф. 146, д. 13, л. 4). М. С. Кедров в своих воспоминаниях утверждает, что «анкета состояла из нескольких десятков вопросов» (см. М. Кедров. Из красной тетради об Ильиче. «Пролетарская революция», 1927, № 1(60), стр. 53). Такое разительное разногочение объясняется, очевидно, тем, что речь идет не об одной, а о двух анкетах. Комиссия заседала 17 декабря. 18 декабря результаты анкеты уже были доложены на заседании СНК Н. В. Крыленко. Н. И. Подвойский говорит об этом же совещании, так как он называет дату между 12 и 17 декабря, а формулировка вопросов у Подвойского совпадает с 1, 4 и 5-м вопросами по тексту Сочинений В. И. Ленина (т. 26, стр. 356). Анкета, о которой говорит М. С. Кедров, была передана В. И. Лениным на совещание делегатов съезда по демобилизации в день его закрытия (т. е. 3 января). Судя по воспоминаниям М. С. Кедрова, эта анкета, в отличие от первой, включала большое количество военно-технических вопросов. О том, что речь идет о двух анкетах, а не об одной, свидетельствует также характер анкеты, предложенной Лениным в последний день заседания съезда по демобилизации. М. С. Кедров говорит, что в анкете «были сконцентрированы все существенные признаки, определяющие боеспособность армии: численность, вооружение, связь, техника, боевые запасы, обмундирование, продовольствие, дисциплина. Помню, был также особый вопрос о состоянии конского состава. Само собой разумеется, и субъективные моменты — настроение сол-

Анкета, составленная В. И. Лениным 17 декабря, состояла из вопросов, главным образом связанных с отношением армии к возможности возобновления военных действий. В. И. Ленина интересовало, как делегаты Общеармейского съезда оценивают возможность нового наступления немцев. Особенно Ленина интересовала оценка делегатами состояния старой русской армии. «Можно ли опасаться, что известие о срыве мирных переговоров вызовет в армии массовое анархическое настроение и побег с фронта, или можно быть уверенным, что армия будет стойко держать фронт и после такого известия?» — спрашивал В. И. Ленин⁸⁵. Рядом вопросов В. И. Ленин стремился выяснить мнение делегатов о способности армии противостоять возможному наступлению немцев. «Могла ли бы наша армия, — спрашивал он, — в случае быстрого немецкого наступления отступить в порядке и сохраняя артиллерию и, если да, надолго ли можно было бы при такой условии задержать продвижение немцев в глубь России?»⁸⁶.

Другие вопросы касались тактики советской дипломатии на мирных переговорах в Бресте и отношения армии к вопросам войны и мира. Затягивать ли переговоры или идти на резкий разрыв переговоров с немцами из-за аннексионизма? Последний, десятый вопрос, как бы подводил итог всем предыдущим: «Если бы армия могла голосовать, высказалась ли бы она за немедленный мир на аннексионистических (потеря всех занятых областей) и экономически крайне трудных для России условиях, или за крайнее напряжение сил для революционной войны, т. е. за отпор немцам?»⁸⁷.

Как видно из этих вопросов, В. И. Ленин не выдвигал перед делегатами съезда в прямой форме задачу создания новой армии. Однако суть ленинских вопросов сводилась к выяснению тех условий жизни и политического состояния старой армии, на основе которых могло бы возникнуть формирование вооруженных сил нового типа, способных противостоять империалистическому нашествию. Эти вопросы в прямой форме были поставлены Лениным несколько дней спустя в письме к делегатам съезда.

В тот момент для В. И. Ленина было важно установить объективные данные о состоянии старой армии. Эти данные и были им получены в ответах на вопросы анкеты.

Нам не известны материалы, собранные по ленинским анкетам⁸⁸. Итоги анкеты, заполненной участниками совещания 17 декабря, на следую-

---

дат, интересы, размеры братания и т. д. — не были упущены» (см. М. Кедров. Указ. соч. «Пролетарская революция», 1927, № 1(60), стр. 53). Из этого перечня видно, что речь идет о другой анкете, более подробной, нежели та, которую записал Д. С. Витебский. Редакция «Записок Института Ленина» (вып. II, М., 1927) отвергает возможность существования двух ленинских анкет, высказывая предположение, что М. С. Кедров, видимо, смешал ленинскую анкету с другой, специально военной анкетой. Но как же объяснить тот факт, что речь идет о двух заседаниях с участием Ленина — 17 декабря 1917 г. и 3 января 1918 г.? Описание обстановки заседания у Витебского и Кедрова подтверждает, что речь идет о двух заседаниях и двух ленинских документах (анкетах). По Витебскому, Ленин пришел с анкетой, заранее написанной на бланках Совнаркома. По воспоминаниям Витебского, Ленин не сумел принять участия в работе комиссии, так как был срочно вызван. Листки с записью вопросов Ленин передал Н. И. Подвойскому. По воспоминаниям Кедрова, Ленин на совещании «слушал делегатов, одновременно живо писал что-то на четвертушках бумаги... Выслушав часть делегатов, Ильич заметил, что будет, пожалуй, проще, если каждый из присутствующих заполнит небольшую анкету, которую он сейчас прочтет и которую только что написал» («Пролетарская революция», 1927, № 1(60), стр. 53).

⁸⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 356.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 357.

⁸⁸ Н. И. Подвойский приводит данные об ответах на ленинскую анкету 17 декабря. «Единокдушный ответ был получен только по вопросам о степени боеспособности армии: он не допускал сомнений в невозможности для этой армии воевать. По остальным вопросам... ответы были не единокдушны и отчасти неопределенны» (Н. Подвойский. От Красной Гвардии к Красной Армии. «Историк-марксист», 1938, № 1(65), стр. 21—22). Из рассказа Н. И. Подвойского видно, что в ответах на анкету делегаты съезда отмечали, что в случае германского наступления «в порядке отступить немисливо, сохранить артиллерию трудно ввиду слабости конского состава». Большинство делегатов высказалось «за какой угодно мир» (там же).

ший день были обсуждены на заседании СНК. Они выявили небоеспособность армии, но все же тогда, в середине декабря, разложение не приняло еще таких огромных масштабов, как три-четыре недели спустя. Постановление Совета Народных Комиссаров, принятое 18 декабря 1917 г. по докладу Н. В. Крыленко о положении на фронте и состоянии армии, признало «результаты анкеты... исчерпывающими вопрос о состоянии армии...». Была принята резолюция, предложенная Лениным⁸⁹, в которой говорилось о необходимости развертывания агитации против аннексионизма немцев, о продолжении мирных переговоров и противодействии их форсированию немцами. В то же время в резолюции были намечены усиленные меры по реорганизации армии при сокращении ее состава и усилении обороноспособности⁹⁰. В резолюции предусматривались экстренные меры по обороне Петрограда и даже по пропаганде революционной войны.

Эта резолюция свидетельствует, что в середине декабря еще была надежда на возможность временного использования старой армии, проведение частичной демобилизации, которая должна была укрепить боеспособность фронтовых частей. Необходимо различать временные меры по укреплению существующего фронта, частей старой армии и меры по созданию новой армии на совершенно иной принципиальной основе. Как уже было указано, В. И. Ленин не считал возможным строить новую армию на основе отбора наиболее боеспособных частей старой армии или реорганизации этих частей. Но вместе с тем В. И. Ленин допускал необходимость временного укрепления существующей армии за счет вкрапления в нее новых частей, создаваемых на добровольческих началах. Эта идея была положена в основу плана создания первых десяти корпусов социалистической армии, по 30 тыс. человек в каждом⁹¹.

22 декабря 1917 г. в доме Военного министерства на Мойке было созвано совещание работников Народного комиссариата по военным делам с участием старых военных специалистов. На совещание прибыл В. И. Ленин. При участии и одобрении Ленина было решено в ближайшие 8—10 дней двинуть на фронт имеющиеся в Петроградском и Московском округах красногвардейские отряды и немедленно приступить к организации в тех же округах, главным образом в Московском, десяти корпусов новой армии в составе 300 тыс. человек. Решено было вызвать с фронта, по выбору солдатских комитетов, 500 инструкторов для вновь формируемых частей⁹². Новые корпуса, формируемые главным образом из рабочих, должны были укрепить фронт старой армии на период демобилизации и создания в тылу новой армии⁹³.

Огромное значение в подготовке новой, рабоче-крестьянской армии имела деятельность Военной организации при ЦК партии. Военная организация явилась партийным центром борьбы за создание новой армии. Опыт, приобретенный Военной организацией в строительстве большевистских организаций в армии, в создании вооруженных отрядов рабочих, в проведении Октябрьского вооруженного восстания и подавлении антисоветских мятежей, явился важной предпосылкой для создания новой армии.

⁸⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 19, оп. 1, д. 29, л. 3 (см. также Ленинский сборник XI, стр. 17—18). Резолюцию СНК решил не публиковать.

⁹⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 358.

⁹¹ ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 118, лл. 1—3. «Краткая справка о деятельности Народного комиссариата по военным делам в первые месяцы после Октябрьской революции». «Справка», датированная 7 декабря 1918 г., является одним из немногих источников по истории плана создания десяти корпусов. В «Справке» содержится перечень некоторых важных мероприятий Народного комиссариата по военным делам, о которых другие источники не упоминают. О совещании 22 декабря 1917 г. и плане создания десяти корпусов рассказывает Н. И. Подвойский (Н. Подвойский. Указ. соч., см. «Историк-марксист», 1938, № 1, стр. 23—24).

⁹² ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 118, л. 3.

⁹³ См. «Историк-марксист», 1938, № 1, стр. 23.

26 декабря 1917 г. Военная организация обсуждала вопрос о путях создания новой армии⁹⁴. Руководствуясь ленинскими указаниями об основах создания новой армии, она разработала ряд важных положений плана строительства Вооруженных Сил Советской республики. В выступлениях Н. И. Подвойского, В. И. Невского говорилось о необходимости создания армии из трудящихся классов, рабочих и крестьян, с крепким пролетарским ядром. На этом собрании Н. И. Подвойский снова изложил план создания первых соединений новой армии в составе 300 тыс. штыков, «которые послужат цементом и скелетом новой армии». Военная организация приняла решение о создании штаба для работы по организации социалистической армии и поручила руководство этой работой Н. И. Подвойскому, К. А. Мехоношину с приглашением представителя Красной гвардии⁹⁵.

28 декабря 1917 г. вопрос о создании новой, социалистической армии обсуждал съезд по демобилизации. От имени большевистской фракции съезду был предложен проект, в котором были учтены ранее выработанные предложения как на совещании в Комиссариате по военным делам 22 декабря, так и предложения Военной организации. В основу этого проекта были положены ленинские идеи о создании рабоче-крестьянской революционной массовой армии. Выступивший по этому вопросу народный комиссар по военным делам Н. И. Подвойский призвал «всех социалистов откликнуться на призыв народных комиссаров: способствовать всеми силами скорейшему формированию кадров социалистической армии для священной войны за социализм»⁹⁶.

Левые эсеры, не решаясь выступить против проекта о создании новой армии, предложили не выносить по этому вопросу никаких решений, «предоставив решать этот вопрос самой массе». Меньшевики и правые эсеры из группы «внефракционных» выступили против большевистского проекта. Они предложили ограничиться частичной демобилизацией, а фронт пополнять добровольческими отрядами и маршевыми ротами. Тут уж и левые эсеры вынуждены были выступить против «внефракционной группы» и заявили, что будут голосовать за большевистский проект создания новой, Рабоче-Крестьянской Армии. Проект создания социалистической армии, предложенный большевиками, был принят большинством — 153 голосами против 40 при 13 воздержавшихся⁹⁷. Утвержденное съездом обращение о создании Рабоче-Крестьянской Армии было опубликовано позднее вместе с ленинским декретом о создании Красной Армии.

Результаты всей этой работы сказались очень скоро. Как и было намечено по плану, 1 января 1918 г. первые отряды социалистической армии были отправлены из Петрограда для пополнения и укрепления фронта. В. И. Ленин, выступая на проводах этих отрядов в Михайловском манеже, заявил: «Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию»⁹⁸. Ленин поставил перед добровольцами две задачи — оберегать завоевания революции, народную власть и поддержать в окопах уставших, вдохновить их личным примером.

Эти временные меры по укреплению фронта, проводимые с тем, чтобы как можно более безболезненно провести демобилизацию и ускорить создание новой армии, некоторые военные работники восприняли как возможный путь к реорганизации старой армии. В среде руководящих военных работников не сразу поняли, что старую армию нужно распустить всю, целиком. Некоторое время еще было распространено мнение, что, демобилизовав значительную часть армии, можно будет остальных объ-

⁹⁴ См. «Протокол собрания Военной организации при ЦК РСДРП(б) от 26 декабря 1917 г.». «Красная летопись», 1928, № 1(25), стр. 127—135.

⁹⁵ Там же, стр. 127—130, 134.

⁹⁶ См. «Армия и Флот...», 31 декабря 1917 г.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 381.

единить и превратить сокращенные старые части русской армии в революционные отряды новой армии. Но скоро выяснилась утопичность подобных проектов. В. И. Ленин решительно выступил против попыток ограничиться демобилизацией одной части армии с тем, чтобы строить новую армию на старой основе. Вот как об этом рассказывает К. Еремеев: «Мнение Владимира Ильича о старой армии было совершенно определенное: роль ее кончена. Мы, военные работники, в то время еще полагали, что за роспуском разложившихся элементов остальную часть можно организовать и создать надежную силу. Владимир Ильич считал, что эта оставшаяся часть будет так ничтожна, что никакой силы не представит. Правда, он советовал удерживать всех надежных и мешать их с красногвардейцами-рабочими, чтобы таким образом влить военное начало в рабочие ряды...

Главное, — говорил он, — это безболезненная демобилизация, постепенный роспуск старой армии до конца»⁹⁹.

Ход событий на фронте в январе 1918 г., растущее разложение старой армии показали не только утопичность проектов ее реорганизации, но невозможность даже временного поднятия ее боеспособности. Очевидно, на основании этих сведений, поступающих с фронта, на материалах анкетного опроса 3 января 1918 г. делегатов Общеармейского съезда по демобилизации армии¹⁰⁰ и многочисленных телеграмм от революционных организаций Северного, Западного и особенно Юго-Западного и Румынского фронтов Ленин сформулировал 14 и 15 пункты своих «Тезисов по вопросу о немедленном заключении сепаратного и аннексионистского мира». Как известно, эти тезисы были написаны 7 января и на следующий день прочтены Лениным на собрании петроградских работников партии.

Состояние старой армии в «Тезисах» определялось таким образом, что она «в данный момент и в ближайшие недели (а вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление, во-1-х, вследствие крайней усталости и истомления большинства солдат, при неслыханной разрухе в деле продовольствия, смены переутомленных и пр.; во-2-х, вследствие полной негодности конского состава, обрекающей на неминуемую гибель нашу артиллерию; в-3-х, вследствие полной невозможности защитить побережье от Риги до Ревеля, дающей неприятелю вернейший шанс на завоевание остальной части Лифляндии, затем Эстляндии и на обход большей части наших войск с тыла, наконец, на взятие Петрограда»¹⁰¹.

В «Тезисах» Ленин выдвигает задачу создания действительно прочной и идейно крепкой социалистической рабоче-крестьянской армии, указав, что на решение этой задачи нужны месяцы и месяцы, что решение этой задачи только-только начато¹⁰². Эта же задача была сформулирована Лениным еще в начале января в его письме к Общеармейскому съезду. Делегаты съезда просили Владимира Ильича приехать к ним и выступить. Это были тревожные дни, когда особой остроты достигла борьба с контрреволюцией в центре и на окраинах страны, когда каждую минуту можно было ждать нового наступления немцев. Все силы монархистов, эсеров и меньшевиков объединились вокруг лозунга «вся власть Учредительному собранию». В этот критический период революции, как характеризовал его Ленин, он обратился с приветствием к съезду по демобилизации армии. Знаменательным является то обстоятельство, что в этом приветствии не было ни слова о демобилизации! «Я горячо приветствую уверенность, —

⁹⁹ К. Еремеев. Указ. соч. «Пролетарская революция», 1928, № 4(75), стр. 156.

¹⁰⁰ М. С. Кедров, говоря об ответах на анкету Ленина, полученных в начале января 1918 г., отмечает: «Только единичные анкеты с известными натяжками позволяли говорить о боеспособности некоторой части армии. Подавляющее большинство анкет кричало о полном развале фронтов, о массовом уходе солдат с фронта, не ожидая приказа о демобилизации» (М. Кедров. Указ. соч. «Пролетарская революция», 1927, № 1(60), стр. 53).

¹⁰¹ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 406.

¹⁰² См. там же.

писал В. И. Ленин, — что великая задача создания социалистической армии, в связи со всеми трудностями переживаемого момента, и несмотря на эти трудности, *будет решена вами успешно*¹⁰³.

Одним из важных условий создания новой армии являлась демобилизация старой армии таким образом, чтобы сохранить ее вооружение и ценное военное имущество.

К этому времени в старой армии получили большое распространение требования раздела между солдатами военного имущества и сохранения за демобилизуемыми солдатами оружия. Требования раздела имущества воинских частей («экономических сумм», т. е. денег, накопленных в частях от «экономии» на солдатском питании, продовольственных запасах, обмундировании, снаряжении и др.) возникли вскоре после свержения самодержавия, но к концу 1917 г. они получили особенно широкое распространение. Мелкобуржуазная стихия грозила полным уничтожением материальной основы армии, росло расхищение армейского имущества, снаряжения, вооружения. Это был один из важных признаков распада старой армии, распада, вызванного не революцией, а разложением старого общественного строя.

Убедить солдат в недопустимости раздела военного имущества было нелегким делом. Острая борьба вокруг этого вопроса развернулась даже в таких наиболее дисциплинированных и сплоченных сознанием революционного долга соединениях, как например, XII армия. Когда Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов (Искосол) этой армии предложил солдатам 3-го сибирского паркового дивизиона вернуть деньги, разделенные между солдатами из экономических сумм, общее собрание солдат дивизиона 16 декабря 1917 г. отказалось это сделать, ссылаясь на то, что деньги эти являются собственностью солдат «как появившиеся на арене ввиду частых периодических недоеданий, изнашивания своей собственной одежды и обуви... Наконец настал час, когда наша сдавленная грудь легко вздохнула, и первый клич — отдай нам то, за что нас всех морили»¹⁰⁴. Доводы, что экономические суммы накопились в результате действительного недоедания многих наборов солдат за многие годы и поэтому эти суммы не могут принадлежать данному составу части, не всегда действовали на солдат. Между тем речь шла о довольно крупных суммах. Так, например, 47 солдат этапно-ветеринарного лазарета 2-го сибирского корпуса в начале декабря 1917 г. разделили между собой 34 271 руб., каждому солдату досталось 709 руб.¹⁰⁵.

Искосол XII армии указывал в своей телеграмме солдатским организациям армии в начале декабря: «Раздел экономических сумм повлек бы за собой, ввиду уничтожения свободных сумм, полное расстройство хозяйства и ухудшение пищи в части. Непростительно¹⁰⁶ для солдат революционной армии преследовать лишь свои моментальные, личные и материальные интересы. Виновные в разделе будут привлечены к ответственности»¹⁰⁷.

Революционные солдатские организации повели борьбу против хищнического отношения к военному имуществу. Нужно было разъяснить солдатам, что это имущество принадлежит народу и не может быть разделено. Корпусной съезд солдат 6-го сибирского корпуса заслушал 21 декабря 1917 г. доклад о разделе экономических сумм и вынес постановление: «...все суммы хозяйственные и артельные разделу между товарищами-солдатами не подлежат, так как они не нами нажиты и не могут быть нами прожиты»¹⁰⁸. Съезд потребовал от частей, где раздел был уже произведен, возвращения сумм, полученных солдатами.

¹⁰³ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 388.

¹⁰⁴ ЦГВИА, ф. 94с, оп. 1, д. 41, л. 58.

¹⁰⁵ Там же, л. 65.

¹⁰⁶ В подлиннике «непростимо».

¹⁰⁷ ЦГВИА, ф. 94с, ф. 1, д. 21, л. 75; подобную же директиву см. ф. 94с, оп. 1 д. 30, л. 29.

¹⁰⁸ ЦГВИА, ф. 94с, оп. 1 д. 24, л. 28 об.

В январе 1918 г. движение за раздел военного имущества усилилось, принимая иногда характер организованного грабежа. Так, например, в сводке V армии Западного фронта к 20 января 1918 г. отмечается, что в Двинске из денежного ящика одной из частей было похищено 80 тыс. руб., а в 302-м суражском полку был разграблен цейхгауз на 40 тыс. руб. Сводка отмечала, что все демобилизуемые требовали «нового обмундирования, обуви, раздела экономических сумм или денежных пособий...»¹⁰⁹.

В авангарде борьбы против мелкобуржуазной дезорганизации и анархического «разделенчества» шел Петроградский гарнизон. Солдаты революционной столицы прямо связывали вопрос о разделении экономических сумм, военного имущества с судьбой страны, с судьбой вновь создаваемых вооруженных сил. 19 января 1918 г. солдатская секция Петроградского Совета после обсуждения вопроса о попытках раздела военного имущества отметила в постановлении, что «разделы ротного и полкового имущества вносят крайне пагубную дезорганизацию в ряды революционного Петроградского гарнизона, подрывают в корне благосостояние Российской республики»¹¹⁰. Солдатская секция указала на необходимость сохранения военного имущества для формирующейся социалистической армии.

Петроградский Совет собрал 24 января представителей полковых и ротных комитетов. На собрании присутствовало около 800 человек. Выступавшие на собрании большевики показали, что раздел военного имущества ослабляет и дезорганизует революционных солдат, тогда как в этот момент больше чем когда-либо нужна была революционная солидарность. О фактах такой солидарности в своем выступлении рассказал Н. И. Подвойский. С Мурманского побережья солдаты присылают в Петроград соленую рыбу, чтобы помочь Петроградскому гарнизону. С юга отряд красногвардейцев во главе с кронштадтским матросом Кудинским, ведущий бой против Каледина, направил в Петроград 390 вагонов хлебных грузов. Эти герои, подчеркнул Н. И. Подвойский, «руководствуются интересами нашей великой революции»¹¹¹.

Собрание признало «недопустимым раздел цейхгаузов, экономических сумм и другого имущества полков, как принадлежащего не отдельным частям, а всему трудящемуся народу Советской Республики, России»¹¹². Вместе с тем собрание приняло решение о помощи демобилизуемым солдатам, по прибытии ими на места, через местные Советы.

Сами полковые комитеты вели борьбу против раздела военного имущества. Так, полковой комитет 56-го полка Петроградского гарнизона отстранил от работы командный состав 661-й ополченской дружины за допущение раздела военного имущества¹¹³. Резкие протесты против раздела имущества вынесли 23 января 1918 г. солдаты 1-го пехотного запасного полка. «Мы признаем преступлением против народа и революции раздел амуниции, оружия и денег, которые необходимы Советам для создания новой, Красной Армии. Мы ясно видим, что раздел амуниции и вооружения оставляет обчуженной и безоружной Советскую власть, которую буржуазия готова задушить голыми руками.

Мы не хотим за серую шинель и лишнюю пару сапог променять землю, волю и власть над буржуазией»¹¹⁴.

Большевистские военные организации вели острую борьбу за сохранение материальных ценностей, собранных на складах Московского военного округа. В Московском округе находилось 114 крупных вещевых хра-

¹⁰⁹ ЦГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 536, л. 3.

¹¹⁰ «Армия и Флот...», 20 января 1918 г.

¹¹¹ «Армия и Флот...», 25 января 1918 г.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ «Армия и Флот...». 26 января 1918 г.

нилищ¹¹⁵. Демобилизуемые солдаты, огромные массы которых проходили через территорию Московского округа, требовали раздела ценностей, накопленных на вещевых складах. «В этом стихийном натиске на колоссальные народные богатства, собранные в течение трех лет войны в естественно возникшую московскую вещевую базу, была угроза самой идее о возможности в будущем создать какую бы то ни было вооруженную силу государства», отмечает отчет военно-хозяйственного управления Московского военного округа¹¹⁶. Эта угроза была особенно велика в связи с тем, что вещевые склады Московского военного округа являлись наиболее мощной базой для обмундирования будущей армии. Как отмечается в отчете, были приняты чрезвычайные меры для того, чтобы остановить преступный натиск на военное имущество, экономить продовольствие и снаряжение¹¹⁷. На складах Московского военного округа удалось подобрать достаточно надежный состав служащих и охрану для сбережения ценного имущества. Хлебный паек солдатам был уменьшен с полутора фунтов до одного фунта, уменьшены были также и другие выдачи, облавы на спекулянтов нанесли удар хищникам и мародерам. «Благодаря этим неустанным мерам борьбы с разрухой, — сообщалось в отчете, — военно-хозяйственные учреждения округа, удовлетворив возникавшие потребности войск, сохранили в своих запасах еще очень большие народные средства»¹¹⁸.

Особенно острый характер приняла борьба за оружие, необходимое для строительства новой армии. Вопрос о том, выдавать ли демобилизуемым солдатам оружие, приобрел особую политическую остроту. Солдаты стремились сохранить у себя оружие. Однако Советское государство не могло пойти на это. Не говоря уже о том, что оружие могло попасть в руки контрреволюционных или уголовных элементов, сохранение в руках демобилизуемых значительных фондов оружия заранее предreshало вопрос о том, что вновь создаваемая армия останется без оружия.

Декрет 10 (23) ноября 1917 г., подписанный В. И. Лениным, давал определенное решение вопроса об оружии: «При увольнении оружие сдавать полковым комитетам, которые являются ответственными за его хранение»¹¹⁹. Однако декрет касался увольнения солдат призыва 1899 г., и его не приняли как общую директиву по вопросу о демобилизации без оружия. Возможно, что вследствие плохой связи газеты с декретом 10 ноября не дошли до многих частей фронта. Во всяком случае и после 10(23) ноября вопрос о демобилизации с оружием или без оружия продолжал дискутироваться как на фронте, так и в центральной печати. В газете «Армия и Флот Рабочей и Крестьянской России» 26 ноября 1917 г. была помещена статья под названием «Военно-политическая сторона демобилизации армии», в которой предлагалось своеобразное решение вопроса¹²⁰. Автор отвергал необходимость сдачи демобилизуемыми оружия, но и не соглашался с тем, чтобы увольняемым солдатам оставлять винтовки. Он предлагал, чтобы оружие в особом вагоне следовало в эшелоне демобилизуемых, а на местах сдавалось местным организациям.

Мнение солдат по этому вопросу отражено в наказах солдатских организаций и съездов. В наказе делегату на армейский съезд солдаты 8-й пехотной дивизии (Западного фронта) писали: «Требуем, чтобы увольняемые домой отправлялись с оружием в руках. Те части, которые не вооружены в данное время, вооружить немедленно. При общей демобилизации армии пулеметы передать в волостные комитеты рабочих и крестьянских

---

¹¹⁵ ЦГАКА, ф. 4, оп. 2, д. 4, л. 102. Отчет не датирован, судя по содержанию, он составлен в середине 1918 г.

¹¹⁶ Там же, л. 104.

¹¹⁷ Там же, л. 102.

¹¹⁸ Там же, л. 105.

¹¹⁹ «Декреты Советской власти», ч. I, стр. 66. Декрет подписал В. И. Ленин и народные комиссары по военным делам В. А. Антонов-Овсенко и Н. В. Крыленко.

¹²⁰ «Армия и Флот...», 26 ноября 1917 г.

депутатов»¹²¹. Таких наказов было довольно много. Мотивировка требований демобилизации с оружием обычно приводилась одна и та же — необходимость вооруженного подавления контрреволюции на местах. «Мы требуем всеобщего вооружения народа, — писали в своем наказе солдаты одной из дивизий III армии, — для охранения всех завоеванных трудовым народом прав, а также от посягательств контрреволюции, ввиду этого настойчиво требуем при демобилизации армии обязательного снабжения всех солдат огнестрельным и холодным оружием, каковое должно храниться в рабочих и крестьянских комитетах»¹²². Однако по мере того как все более определенно выяснялась необходимость создания новой армии, сознательные, революционные элементы армии стали выступать против такого решения вопроса.

На съезде солдатских организаций Северного фронта 30 ноября 1917 г. было принято решение, в котором говорилось, что необходимость демобилизации солдат без оружия диктуется крайним недостатком оружия на фронте. Решение подчеркивало, что оружие демобилизованных солдат остается в руках демократических организаций¹²³. Эта точка зрения постепенно становилась господствующей в армейских организациях.

Командующий Западным фронтом большевик А. Мясников в начале декабря в специальном приказе указал на недопустимость вывоза из пределов частей оружия. «До моего сведения, — писал в своем приказе Мясников, — дошло, что солдаты, увольняемые от службы, или едущие в отпуск, при своем отъезде из частей берут с собой для отвоза на родину оружие и снаряжение. Это совершенно недопустимо. Прошу указанное теперь же разъяснить солдатам и ответственность за неисполнение настоящего моего приказа возлагаю на соответствующие комитеты и командный состав. Главкозап Мясников»¹²⁴. В этом приказе нет ясной аргументации, почему нельзя отпускать солдат с оружием. Следует отметить, что рядом с этим приказом в том же номере газеты были приведены наказания солдат с требованием демобилизации с оружием.

Острая борьба вокруг вопроса об оружии захватила и гарнизоны крупнейших центров. Солдатская секция Петроградского Совета 22 декабря 1917 г. решила не выдавать солдатам, демобилизуемым из армии, оружия. Это решение нелегко было выполнить.

Демобилизуемые солдаты, полные революционного энтузиазма, исходя из лучших побуждений, искренне считали, что уходить из армии можно только с оружием. Они рассматривали себя как полномочных представителей революции и полагали, что им легче будет утверждать новый порядок, имея в руках оружие. Это хорошо выразили солдаты гвардии резервного Гренадерского полка, которые 16 января 1918 г. записали в своем постановлении: «Мы, как революционные солдаты гор. Петрограда, боролись со дня революции за свободу и пока еще борьба не окончена с буржуазией и ее прихвостнями, мы и впредь должны стоять на страже революции, а для этого мы считаем необходимым быть и вооружены»¹²⁵. Солдатская секция Петроградского Совета 19 января 1918 г. должна была вновь подтвердить решение не выдавать демобилизованным оружия¹²⁶.

Постепенно становилось все более ясным, что демобилизация с сохранением оружия у солдат может привести к тому, что вновь создаваемая армия останется без оружия. Верховный Главнокомандующий Н. В. Крыленко 13 декабря 1917 г. направил специальную телеграмму в фронтовые организации: «Согласно полученному от народных комиссаров извещению

¹²¹ «Известия ВРК III армии», 6 декабря 1917 г.

¹²² Там же.

¹²³ «Армия и Флот...», 14 декабря 1917 г.

¹²⁴ «Известия ВРК III армии», 6 декабря 1917 г.

¹²⁵ «Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 году», Л., 1932, стр. 379.

¹²⁶ «Армия и Флот...», 20 января 1918 г.

в настоящее время в срочном порядке разрабатывается план перехода от постоянной армии к всеобщему вооружению народа, ввиду чего приказываю солдатам, увольняемым от службы, оружия и снаряжения не выдавать»¹²⁷.

Еще более точная директива была дана советским Верховным Командованием 18 декабря в приказе за подписью временно исполняющего дела Верховного Главнокомандующего А. Мясникова. «Приказываю точно и неуклонно исполнять. Советы, Комитеты и демократические организации прошу содействовать. Ни один солдат не может быть уволен с оружием и со снаряжением. Всеобщее вооружение народа осуществляется в общегосударственном порядке и через общее законодательство республик. А до этого свободное оружие должно находиться в частях и военных складах под наблюдением Советов и Комитетов»¹²⁸.

Этот же вопрос рассматривал в начале января 1918 г. Общеармейский съезд по демобилизации армии. В решении съезда, принятом 2 января 1918 г., указывалось, что при частичной демобилизации солдаты отпускаются на родину без оружия. «При общей демобилизации, которая будет произведена только при заключении общего мира, все оружие равномерно распределяется по территории Российской Республики по указанию ЦИК Всероссийского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов; по его же указанию определяется и способ вооружения народа»¹²⁹. Директива была подтверждена 20 февраля 1918 г., уже в условиях наступления германской армии и проведения общей демобилизации¹³⁰.

Советское правительство последовательно проводило линию на сохранение оружия и боеприпасов старой армии и руководило борьбой солдатских масс против анархически настроенных мелкобуржуазных элементов, стремившихся разделить военное имущество и расхитить оружие и боеприпасы.

* * *

Комиссариат по демобилизации во главе с М. С. Кедровым провел огромную организаторскую работу по подготовке и проведению демобилизации. Перепись армии, проведенная в конце декабря 1917 г. комиссарами Демоба, была настоящим подвигом. В условиях транспортной разрухи, страшной волны мелкобуржуазного анархизма, бушевавшей в армии, комиссары Демоба переходили из части в часть и кропотливо, быстро и самоотверженно собирали сведения о составе армии. Комиссар по демобилизации армии М. С. Кедров имел полное основание заявить, что «Комиссариат имеет... обширный и работоспособный аппарат... Комиссариат... справился с такой трудной работой, как перепись всей армии...»¹³¹.

Собранные сведения дали возможность оперативно решить вопрос о демобилизации солдат призывов 1904—1907 гг. Верховный Главнокомандующий Н. В. Крыленко телеграфировал 10 января 1918 г. в Ставку: «Подготовьте предписание об увольнении 22—25 января годов 1904—1905, 1906, 1907. Одновременный роспуск представляется возможным, так как, согласно статистическим сведениям Демоботдела по данным общеармейской переписи, общая совокупность увольняемых годов едва составляет 7 процентов данного состава численности существующей наличности действующей армии»¹³².

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 94с, оп. 1, д. 30, л. 152.

¹²⁸ Там же, д. 130, л. 242.

¹²⁹ «Известия Армейского Совета с. д. III армии и Полоцкого Совета р., с. и к. д.», 10 января 1918 г.

¹³⁰ ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 92, л. 49.

¹³¹ ЦГАКА, ф. 79, оп. 1, д. 1, л. 9. К сожалению, нам не удалось обнаружить полных материалов этой переписи. Здесь использованы данные переписи, сохранившиеся в сводках Демоба.

¹³² ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 127, л. 1.

Годы призыва	Время демобилизации	% к общему количеству демобилизованных
1902	3 января	3,7
1903	10 января	3,96
1904—1907	16 января	13,76
1908—1909	29 января	8,02
1910—1912	16 февраля	13,63
1913—1915	2 марта	23,88
1916—1919	До 12 апреля	33,05

Данные таблицы показывают, что около половины всей русской армии было демобилизовано до заключения мира. Темп демобилизации с начала января все время нарастает и наибольшей быстроты достигает с середины февраля. Германское наступление на некоторое время задержало демобилизацию, но не надолго. Эти данные позволяют сделать вывод, что первый — добровольческий — этап строительства Красной Армии совпадает с периодом демобилизации старой армии. В условиях массовой демобилизации, проводимой ускоренными темпами и дополняемой стихийной демобилизацией, невозможно было строить новую, рабоче-крестьянскую армию на иной основе, кроме добровольческой.

Наиболее слабо исследованным и трудно разрешимым является вопрос о том, была ли приостановлена демобилизация после начала германского наступления в феврале 1918 г. Известно, что В. И. Ленин считал невозможным приостановить или отменить демобилизацию. В выступлении на заседании ЦК 18 февраля В. И. Ленин заявил: «Сказать, что демобилизация прекращена — это значит слететь»¹³⁴. Между тем попытка приостановить демобилизацию все же была. В фонде Народного комиссариата по военным делам Архива Красной Армии хранится подлинник приказа от 22 февраля 1918 г. за подписями Э. Склянского, М. Кедрова и Н. Подвойского, приостанавливающий демобилизацию трех возрастов. Приказ гласил: «Вследствие перехода в наступление наших противников, немедленно приостановить увольнение из действующей армии солдат, призывавшихся к исполнению воинской повинности в 1910, 1911 и 1912 годах»¹³⁵. Приказ касался только трех призывов, так как призывы до 1909 г. включительно были уже демобилизованы. Демобилизация же 1910—1912 гг. была предусмотрена приказом Народного комиссариата по военным делам № 136 от 16 февраля.

Сохранившийся в архиве подлинник приказа от 22 февраля не имеет номера. В сборник приказов Комиссариата по военным делам этот документ от 22 февраля не вошел. Был ли приказ передан в части? Возможно, что и не был. Однако отдельные распоряжения о приостановке демобилизации все же были. Об этом свидетельствует приказ Комиссариата по военным делам от 2 марта 1918 г. (№ 182) за подписями Крыленко, Мехоношина, Склянского, Кедрова и Юренева. В приказе говорится, что наступление немцев выявило полную неспособность старой армии и возложило всю тяжесть обороны страны на новую, только еще формирующуюся Красную Армию. Однако формирование новой армии тормозится массовым наплывом на железных дорогах покинувших фронт солдат. И дальше в приказе говорится: «Вызванная первоначальной необходимостью противопоставить движению противника хоть какую-нибудь силу,

¹³³ Таблица составлена по данным ЦГАКА, ф. 4, оп. 2, д. 2; ф. 1, оп. 1, д. 127. Процент к общему числу демобилизуемых подсчитан по данным V армии на общее число солдат 126 204. Перепись, проведенная в декабре 1917 г. в других соединениях, говорит о том, что эти данные можно распространить на всю старую армию.

¹³⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 477.

¹³⁵ ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 125, л. 1.

приостановка демобилизации в таких условиях превращается в тормоз для какой бы то ни было планомерной работы по организации сопротивления.

Исходя из указанных соображений, Народный комиссариат по военным делам постановляет: приостановленную в отдельных районах и местностях отдельными приказами (подчеркнуто мною.—*Е. Г.*) командного состава демобилизацию полностью продолжить. Настоящим объявляется одновременная демобилизация призывных годов прежней армии по 1915 год включительно»¹³⁶. Таким образом, Комиссариат по военным делам отменяет не свой приказ, а отдельные приказы, изданные командным составом в отдельных районах. Остается предположить, что приказ Комиссариата от 22 февраля 1918 г. или не был передан в армию, или попал только в некоторые части. Известен приказ о приостановке демобилизации «впредь до особого распоряжения» Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа К. С. Еремеева от 22 февраля 1918 г.¹³⁷. Такой же приказ о приостановке демобилизации был дан 22 февраля командованием Северного фронта¹³⁸.

Германское наступление еще раз подтвердило ленинский прогноз — старая армия воевать не в состоянии. Необходимо было довести до конца демобилизацию старой армии, так как задержка демобилизации тормозила создание новой армии. Немецкое наступление ускорило и усилило стихийную демобилизацию. Речь сейчас шла о том, чтобы направить поток демобилизуемых солдат в районы, где они не могли помешать процессу формирования новых вооруженных сил. Особенно важно было отвести волну отступающих частей от Петрограда. Утром 28 февраля Н. И. Подвойский направил М. С. Кедрову записку, в которой говорилось, что «необходимо в кратчайший срок воспрепятствовать движению отступающих воинских частей на СПб., не допускать загрузки СПб. железнодорожных узлов»¹³⁹. Части, прибывающие в тыловые районы, подлежали немедленной демобилизации¹⁴⁰.

11 марта 1918 г. члены Высшего Военного Совета К. И. Шутко и М. Д. Бонч-Бруевич телеграфировали Кедрову: «Действующая армия перестала существовать. Почти вся фронтовая полоса оставлена нашей армией и занята противником»¹⁴¹.

Тягостный и сложный процесс ликвидации старой армии закончился. Лучшие элементы этой армии — революционные солдаты, прошедшие через горнило борьбы с внутренней контрреволюцией и германскими интервентами, командный состав, перешедший на сторону народа и понявший, что защищать Россию можно только под знаменем Советской республики, — составили вместе с Красной гвардией основу для создания Вооруженных Сил социалистической революции.

В борьбе за демократизацию старой армии стал формироваться такой важный элемент нового военного аппарата, как командный состав, выдвигаемый солдатской массой из своей среды взамен чуждых народу офицеров из помещиков и буржуазии. Выявилась также возможность использования той части старого офицерского корпуса, которая подчинилась народной воле и согласилась отдать свои знания и опыт служению революции. Но Красной Армии прежде всего был нужен массовый источник пополнений. Таким источником, наряду с Красной гвардией, могли быть солдаты демобилизуемой армии. Эта возможность выявилась с самого начала демобилизации старой армии, но с особой силой она сказа-

¹³⁶ ЦГАКА, ф. 1, оп. 1, д. 92. См. также, ф. 4, оп. 2, д. 2, л. 46.

¹³⁷ «Армия и Флот...», 24 февраля 1918 г.

¹³⁸ См. А. И. Черепанов. Под Псковом и Нарвой. Февраль 1918 г., М., 1957, стр. 104.

¹³⁹ ЦГАКА, ф. 79, оп. 1, д. 15, л. 144.

¹⁴⁰ См. там же, л. 61.

¹⁴¹ Там же, л. 23.

лась в условиях борьбы с контрреволюцией и с начавшейся в середине февраля 1918 г. германской интервенцией.

Возьмем для примера 16-й литовский резервный полк. Этот полк принимал активное участие в борьбе с контрреволюцией. Солдаты выделили специальный отряд и направили его на фронт против Центральной рады и Каледина. Полк принимал активное участие в охране Петрограда, нес караулы в важнейших пунктах столицы. «Товарищи солдаты,—писал в своем донесении комиссар Военно-революционного комитета,—безропотно переносят всю возложенную на них работу и уменьшение хлебного пайка, сознавая разруху транспорта»¹⁴². Донесение было написано 13 января 1918 г., до декрета о создании Красной Армии. Однако комиссар отмечает в донесении: «По поводу сформирования социалистической армии и добровольной записи ведем широкую агитацию, наблюдаются выражения некоторых рот, что мы будем записываться не по одному, а прямо ротами»¹⁴³. Такие случаи особенно часты были в инженерно-технических частях, артиллерии и авиации, где пролетарский состав и революционное влияние были сильнее и устойчивее, чем в пехоте¹⁴⁴.

Процесс отбора некоторых, немногих, конечно, крепких и боеспособных частей старой армии, достаточно революционизированных, чтобы войти в состав новой армии, ускорился в период борьбы с наступавшей германской армией. Значительная часть соединений старой армии в ходе германского наступления разваливалась. В то же время были и такие части старой армии, в которых большевистское влияние и организованность, выдержка и дисциплина прошли испытания и проверку в февральские дни 1918 г. Эти части после коренной перестройки могли быть использованы в новой армии.

23 февраля Н. И. Подвойский вызвал комиссара 2-го пулеметного полка и предложил срочно сформировать и отправить на фронт под Псков добровольческие пулеметные команды. В тот же день пулеметный полк был собран для создания добровольческих команд. Но пулеметчики единодушно решили выступить всем полком на борьбу с немцами. На следующий день, в 11 часов утра полк «в полном составе двинулся по улицам Петрограда на Варшавский вокзал. Боевой порядок, пулеметы, все это показывало,—писал комиссар Н. Замятин,—что сила Петрограда еще не иссякла»¹⁴⁵. Под Лугой полк встретил толпы бегущих солдат, бросающих на пути обозы и оружие. «Пулеметчики на их бегство внимания не обращали, а рвались вперед, на Псков»¹⁴⁶. Вместе с пулеметчиками на фронт против немцев отправились такие боеспособные части, как 6-й тукумский полк, 3-й запасный пехотный полк и др.

О степени революционной организованности и политической сознательности этих частей свидетельствует резолюция солдат 7-й роты 3-го пехотного запасного полка, принятая 28 февраля, т. е. после сражения под Псковом, о поддержке всеми средствами дела создания социалистической армии¹⁴⁷. Такое же решение приняли солдаты 171-го пехотного полка и других частей Петроградского гарнизона.

В этих решениях солдатских масс видно отчетливое сознание необходимости организации новой революционной армии, которую они называют социалистической, народной, Красной. В то же время из этих документов видно, что солдаты считали возможным создание новой армии на основе лучших частей и соединений старой армии, прошедших сквозь огонь революционных бурь и закалившихся в боях за Советы.

¹⁴² ЦГАОР и СС, ф. 1236, оп. 1, д. 16, л. 70.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же, д. 11, л. 1.

¹⁴⁵ Там же, оп. 2, д. 11, л. 47.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же, оп. 1, д. 16, л. 111.

Действительность внесла значительные поправки в эти представления. Новая армия создавалась на совершенно новых основах, ее ядром были отряды Красной гвардии. Это показали уже бои в феврале 1918 г. под Псковом. Цементирующей силой частей старой армии в этих боях явились красногвардейские отряды путиловцев, заводов «Розенкранц», «Вулкан» и других предприятий Петрограда.

Демобилизация, по плану, должна была быть проведена за 80—90 дней. Примерно такой срок и понадобился для реализации этой трудной задачи. Советскому правительству и большевистской партии удалось организовать солдатскую массу, ввести в определенные рамки стихийную демобилизацию. Контрреволюция ждала, что солдатский поток с фронта окончательно разрушит транспорт, вытопчет на своем пути все живое, уничтожит продовольственные запасы, снесет и ликвидирует Советскую власть. Тогда-то и должны были выступить на арену «силы порядка» и при помощи интервентов вернуть страну к буржуазно-помещичьему строю. Все эти расчеты контрреволюционеров были построены на убеждении, что массы рабочих и крестьян, одетых в серые шинели, ни на что, кроме разрушения, не способны, что «порядок» можно установить, только применив насилие над массами.

Организуемая революционная воля рабочего класса, большевиков, Советского государства преодолела хаос, дезорганизацию и анархию. Под руководством Ленина, Центрального Комитета партии большевики организовали миллионные массы солдат и превратили демобилизацию в средство укрепления Советской власти, ее Вооруженных Сил. В ходе демобилизации выделялись лучшие элементы из солдат и командного состава, которые вливались в ряды молодой Красной Армии. Демобилизуемые солдаты явились организаторами Советской власти на всей огромной территории республики. Они поднимали крестьян на борьбу за землю против кулаков и контрреволюционеров.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что приведенный нами материал ясно свидетельствует об исторической необходимости демобилизации старой армии, во-первых, как условия укрепления нового социалистического государства, во-вторых, как важного условия создания такой существенной части этого государства, как Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Больше того, факты показывают, что демобилизация старой армии не предвляла строительства новой армии, а совпала во времени с первым добровольческим периодом создания Красной Армии. Вместе с тем необходимо отметить тесную взаимосвязь основных этапов демобилизации с этапами строительства Красной Армии в добровольческий период. Так, первоначальный этап демобилизации, от ленинского декрета 10(23) ноября 1917 г. о постепенном сокращении численности армии до Всеармейского съезда, открывшегося 15 декабря, был вместе с тем этапом развертывания подготовительной работы по созданию Красной Армии. Сам Всеармейский съезд по демобилизации армии под руководством партии и при личном участии Ленина превратился в съезд выработки основ создания новой армии. Второй этап демобилизации, охвативший период от съезда до начала германского наступления, прошел под знаком усиления борьбы за сохранение военного имущества, снаряжения, оружия и боеприпасов с целью создания материальной базы для организации новой армии. Третий этап — от начала германского наступления до середины апреля — явился завершением демобилизации и вскоре завершением добровольческого периода в строительстве Красной Армии. В условиях проведения быстрыми темпами демобилизации 12 млн. солдат невозможно было строить новую армию ни на какой другой основе, кроме как на добровольческой. Примерно через месяц с небольшим после завершения демобилизации Советское государство перешло от добровольческого принципа комплектования армии к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян.

Анализ процесса демобилизации дает основание для вывода, что большая часть всей армии была организованно отпущена по домам еще до начала германского наступления 18 февраля. Если же принять во внимание трудность учета стихийной демобилизации, то можно полагать, что к 18 февраля на фронте были только остатки старой армии. Демобилизация, проведенная до перехода германских полчищ в наступление, дала возможность вывести из-под удара основной контингент армии, эвакуировать значительную часть военного имущества и огромные материальные ценности, собранные на фронтовых складах, предотвратить катастрофу на транспорте. При всем этом переход немцев в наступление повлек за собой паническое отступление остатков старой армии, гибель многих складов военного имущества и т. п. Но масштабы этих потерь были ограничены. В основном демобилизация армии была проведена до наступления немцев. Именно это обстоятельство позволило создать такие очаги сопротивления, как Псков, Нарва, Харьков, Донбасс, дать отпор германскому наступлению, собрать силы Красной Армии и сохранить материальную основу для ее вооружения.

